

Л.Н. Синякова

Новосибирский государственный университет

**Художественно-антропологические искания Н.В. Гоголя
и «обыкновенный человек» А.Ф. Писемского:
эпопейный образ мира
(«Мертвые души» и «Взбаламученное море»)**

Аннотация: В статье анализируется художественная антропология Н.В. Гоголя и А.Ф. Писемского в поэме «Мертвые души» и романе «Взбаламученное море». Исследуется «художественный платонизм» Гоголя и негативная антропология Писемского как способы антропологической реконструкции эпопейного образа мира.

The article is devoted to the problem of the literary anthropology of Gogol and Pissensky. It regards with an epic fictional universe which reveals the most significant aspects of the artistic philosophy of each. The corresponding definitions are the «platonical» and «negative» literary anthropological variants.

Ключевые слова: художественная антропология, человек и мир, человек и эпоха, изменение, развитие, деградация.

The literary anthropology, a man and the universe, a man and historical reality, changing, development, degradation.

УДК: 82 – 312.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3300862. E-mail: scholast@ngs.ru.

А.Ф. Писемский, начавший свою литературную деятельность в 1850-е гг., был, по мнению современников, наряду с Ф.М. Достоевским наиболее последовательным учеником Н.В. Гоголя [Григорьев, 1990, с. 261–279; Венгеров, 1884; Иванов, 1898 и др.]. Социокультурный антропологизм Писемского ориентирован прежде всего на феноменологическую поэтику Гоголя: Писемский ощущал материальность мира и зависимость человека от материальности вещей; его человек параметризован в координатах «тела» и «вещей», видимой, очевидной реальности. Объектная сенсорика, осязательность может быть названа точкой наибольшего схождения художественной гносеологии Писемского и Гоголя. По мнению современного исследователя, «Гоголь держится середины жизни. Он радуется всему, что полнокровно, насыщено силой... <...> ...Гоголь любит внешний вид предметов, материя улыбается ему своим “чувственным блеском”... <...> ...Гоголь ощущает вещество как нечто живое» [Карасев, 2001, с. 73]. Писемский избирает «средку жизни» в качестве онтологического абсолюта. Для него это и жизненное пространство человека (другого не дано), и начало и конец его земного существования. «Полнокровность» гоголевской вещности у него заменяется «привычностью» и «устойчивостью», в конце концов – унылой неизменностью вещно-антропологического симбиоза. Любопытно, что Писемский эксплицировал свое – утверждающее «физическую» онтологию, но отрицающее «метафизическую» эпистемологию – отношение к гоголевской философии творчества. В посвященной публикации второго тома «Мертвых душ» статье «Сочинения Н.В. Гоголя,

найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души» (1855) Писемский определяет границы художественности Гоголя, в соответствии с которыми комплекс знаний Гоголя о человеке получает значение истинности или ложности. «Истинный» художественно-антропологический опыт Гоголя закреплен в эпическом мире «Мертвых душ» как опыт познания несовершенного человека. «Ложный» репродуцируется в попытке гипостазировать моральное совершенство человека, в критическом восприятии Писемского – одновременно христиански-дидактическое и историко-утопическое.

Психология гоголевского человека, убежден Писемский, обнаруживает субстанциональные качества человеческой натуры: «Настолько поэт, насколько философ, настолько сатирик и... даже пасквилист, насколько все это входит в область юмора, он первый устремляет свой смех на нравственные недостатки человека, на болезни души» [Писемский, 1959, с. 525–526]. Писемский апеллирует к категории «типического» (универсально-антропологического), индикаторами которой становятся индивидуально-содержательные аспекты личности: речь как сигнификат языковой картины мира (см.: [Арутюнова, 1999]) и характер как фактура его психофизического существа. Гоголь, по мнению Писемского, «первый вводит типические характеры, трепещущие жизнью; он первый дает типический язык каждому типу» [Писемский, 1959, с. 526]. Заметим, что создававший «типы» Гоголь исходил в первую очередь из «эйдологии», а не феноменологии личности, что позволило В.В. Зеньковскому назвать его художественную философию «художественным платонизмом»¹.

«Вочеловеченный» идеал Гоголя (сотворенный в соответствии с философско-эстетической моделью платоновского дуализма и не воспринимаемый Писемским-критиком в качестве антропологического паттерна) в отличие от его «типических характеров» принципиально непереволим на язык художественности: «Идеал Гоголя был слишком высок; воплотить его всецельно было... делом неисполнимой задачи для искусства» [Писемский, 1959, с. 546]. «Идеальные» фигуры Костанжогло, Муразова и Уленьки Бетрищевой полностью нарушают художественную конвенцию «Мертвых душ» (правда жизни = типичность = юмор)², полагает Писемский. Он различает в созданном Гоголем человеке «нижний» уровень «типичности» – феноменологию человека (габитус, вещный контекст и индивидуальную речь – тело, вещи и язык) – и высшие уровни, связанные с созданием сверхсмысла его существования, – «лиризм». Отказав «высшему» (идеальному) человеку Гоголя в эстетической ценности, сам Писемский пытался воплотить человека «обыкновенного». Адепт идей витализма, он полагал «поэтическое чувство» излишним в эпосе, предмет которой есть «жизнь в ее многообразной полноте» [Писемский, 1959, с. 529].

---

¹ «Мы называем художественным платонизмом это восхождение от живой конкретности к тому типу (“идея” по Платону), который в данном лице художник стремится выразить. <...> Платонизм, в его общем смысле, не минует эмпирической живой реальности, но учит нас тому, что в каждом конкретном бытии, с той или иной выразительностью, есть его “идея”, тот вечный “лик”, который и придает конкретной реальности ее “смысл”, вскрывает ее “сущность”» [Зеньковский, 1997, с. 177].

² «Правда» для Писемского эстетическая категория, означающая эстетическую достоверность / верифицируемость созданного писателем художественного мира. Статью о Гоголе Писемский заключает призывом «говорить», «сообразуясь с средствами своего таланта, публике **правду** (выделено в источнике. – Л.С.)» [Писемский, 1959, с. 546].

Между тем понятие эпического для Гоголя включало в себя «*весь мир*»¹ и, соответственно, все аспекты мира человека. В разделе «Меньшие роды эпопеи» «Учебной книги словесности для русского юношества» требование этической адекватности человека образу эпохи в «меньших родах эпопеи» выдвигается на первый план в отличие от классической эпопеи, постулировавшей историческую аутентичность человека изображенному времени²: «В новые веки произошел род повествовательных сочинений, составляющих как бы середину между романом и эпопеей, героем которого бывает... лицо... значительное во многих отношениях для наблюдателя души человеческой», и автор стремится «представить... верную картину всего значительного в чертах и нравах взятого им времени, ту земную, почти статистически схваченную картину недостатков, злоупотреблений, пороков и всего, что заметил он во взятой эпохе и времени достойного привлечь взгляд всякого наблюдательного современника, ищущего в былом... живых уроков для настоящего» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 312]. Для творца «Мертвых душ» эпопейное задание приобретает биполярную конфигурацию «образ мира – душа человека», причем множественность сходящихся значений обоих концептов позволяет выстроить философскую апорию эпопеи: «человек – это мир».

В «Авторской исповеди» Гоголь осмысляет свое эпопейное задание как поиск родового человека в человеке современном, «временном»: «...я видел ясно... что прежде, покамест не определю себе самому... высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мне нельзя приступить; а чтобы определить себе русскую природу, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще... <...> С этих пор человек и душа человека сделались, больше чем когда-либо, предметом наблюдений. Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узнание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. <...> ...Я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека и что еще никто из душезнателей не всходил на ту высоту познания душевного, на которой стоял Он» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 214]; «Итак, на некоторое время занятием моим стал не русский человек и Россия, но человек и душа человека вообще» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 215].

Поскольку в гоголевской концептосфере «человек вообще» христологичен [Зеньковский, 1997; Гончаров, 1997; Виноградов, 2000; Воропаев, 2008 и др.], основная задача создателя эпопеи о человеке видится в поиске Христа в человеке. В «Размышлениях о героях «Мертвых душ»»³ Гоголь предпринимает попытку частичной реабилитации персонажей первого тома поэмы именно с точки зрения «практической» (феноменологической) теодицеи: «Он (Чичиков. – Л.С.) даже и не задумался над тем, от чего это так, что Манилов, по природе добрый, даже благородный, бесплодно прожил в деревне... а плут Собакевич, уж вовсе не благородный по духу и чувствам, однако ж не разорил мужиков, не допустил их быть ни пьяницами, ни праздношатайками. И отчего коллежская регистраторша Коробочка, не читавшая и книг никаких, кроме Часослова, ...умела, однако ж, наполнить рублевиками сундучки и коробочки и сделать это <так>, что порядок... на дерев-

¹ В наброске «Учебной книги словесности для русского юношества» Гоголь рассуждает о гомеровских эпопеях «Илиада» и «Одиссея»: «Весь мир на великое пространство освещается вокруг самого героя, и не одни частные лица, но весь народ, а часто и многие народы, совокупясь в эпопею, оживают на миг... <...> Поэтому-то эпопея есть создание всемирное, принадлежащее всем народам и векам, долговечнейшее... и вечно живое...» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 311–312]. В письме к В.А. Жуковскому от 12 ноября 1836 г. Гоголь обещал по поводу своего будущего романа-поэмы: «Вся Русь явится в нем!» [Гоголь, 1994, т. 9, с. 92].

² «Эпопея объемлет не некоторые черты, но всю эпоху времени, среди которого действовал герой с образом мыслей, верований и даже познаний, какие сделало в то время человечество» [Гоголь, 1994, т. 9, с. 311].

³ Впервые опубликованы в 1896 г.

не все-таки уцелел: души в ломбард не заложены, а церковь... поддержана <...> тогда как иные, живущие по столицам... образованные и начитанные <...> беспрестанно заводящие всякие филантропические заведения, требуют, однако ж, от своих управителей все денег <...> и все крестьяне заложены в ломбард и перезаложены...» [Гоголь, 1994, т. 5, с. 473]¹.

Итак, с одной стороны, человек богоподобен – и неожиданный инстинкт жизни по Христу обнаруживается у Собакевича и Коробочки, самим Богом поставленных на свое место². С другой стороны, человек несовершенен. В третьем письме по поводу «Мертвых душ» («Выбранные места из переписки с друзьями») Гоголь признается, что «первая часть должна быть вся *пошлость* и ... в ней все лица до единого должны быть пошлы» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 79]. «Ничтожное» в человеке Гоголя противостоит «высокому благородству... породы». Так и Чичиков хотя бы на минуту стал почти «поэтом», увидев губернаторскую дочку, и Плюшкин когда-то был живым человеком. Гоголь формулирует и графически выделяет естественный закон самосовершенствования – «желанье быть лучшим» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 78]. Этической перспективой «желания быть лучшим» для творца «Мертвых душ» стало достижение христианского смирения и высоты духа. Движение человеческой жизни и фундаментальный закон человеческой натуры есть движение от «пошлости» к «желанию быть лучшим». Такова художественно-антропологическая формула создателя «Мертвых душ». Если человек это мир, то «желание быть лучшим» приведет к этико-утопическому преображению мира.

У Писемского антропологическая схема несколько иная, чем у его великого учителя. Писемский, как и Гоголь, видит в человеке «низкое» – но Гоголь преодолевает это видение постулированием человека идеального. Мировосприятие Писемского исключает идеализирующее прогнозирование: «пошлостное» сопутствует человеку на протяжении всей его жизни и индуцировано «средой», а «низкое» присуще человеческой природе как таковой. Это не только область влечений и инстинктов человека, но и его витальный эгоизм и чувство здоровой телесности. Гоголь тоже любит чрезмерность жизненной стихии в своих персонажах, но постоянно помнит о «душе и прочном деле жизни» как родовом качестве человека.

«Типы» Гоголя идеографичны, «типы» Писемского эмпиричны, но оба писателя исходят из персоналистского тезиса личностного самоопределения, далее доказывая его в разных системах философии человека. Архитектоника «Мертвых душ» подчинена телеологии движения от «пошлости пошлого человека» к «чело-

---

¹ Сравним с художественно-публицистической аргументацией богоугодности патерналистской социоисторической модели «отец – помещик и дети – крестьяне» («Выбранные места из переписки с друзьями»): «Собери прежде всего мужиков и объясни им, что такое ты и что такое они. Что помещик ты над ними не потому, чтобы тебе так хотелось повелевать и быть помещиком, но потому, что ты уже есть помещик <...> потому, что всяк должен служить Богу на своем месте, а не на чужом...» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 104].

² Установкой на изучение «правильного порядка» социального мира («человек на своем месте») объясняется ламентация Гоголя относительно авторского «незнания» той или иной профессиональной сферы в первом письме по поводу «Мертвых душ» («Выбранные места», гл. XVIII): «И хоть бы одна душа подала голос! <...> Служащий чиновник мог бы мне явно доказать, в виду всех, неправдоподобность мной изображенного события приведением двух-трех действительно случившихся дел... <...> Мог бы то же сделать и купец и помещик... <...> Сверх собственного взгляда своего всяк человек, с того места или ступеньки в обществе, на которую поставили его должность, званье и образование, имеет случай видеть тот же предмет с такой стороны, с которой, кроме его, никто другой не может видеть. По поводу «Мертвых душ» могла бы написаться всей толпой читателей другая книга, несравненно любопытнейшая «Мертвых душ» <...> потому что... все мы очень плохо знаем Россию» [Гоголь, 1994, т. 6, с. 72].

веку вообще», в целом этико-философской, конкретнее – христианско-антропологической. В эпопейном романе А.Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863) человек не замыслен как существо, способное к духовному преображению. Гоголь в первом томе своей поэмы исследовал «*всякую мерзость нашу*» – Писемский воспринял это знание как философско-антропологическую аксиому. И если «пространственно-вещественная антропология Гоголя, метонимически разводящая душу и тело, создает универсальный образ раздробленности» [Гончаров, 1997, с. 132], то человек Писемского – цельная телесно-душевная сущность, создающая вокруг себя мир-монаду.

Человек Писемского, обладающий выраженной телесностью / биологической аттрактивностью, индивидуализированной «тектоникой» характера и культурно-генетической связью с провинциальной Россией, – это «человек обыкновенный». Как предмет и субъект романного жанра, в таких качествах он самодостаточен. Но «Взбаламученное море» определяется как эпопейный роман, в котором автор исследовал реакции «обыкновенного» человека на необыкновенность исторического момента. Поэтому антропология Писемского историзируется – вокруг человека создается когнитивное поле истории, «становящейся самосознанием» [Рикер, 2002, с. 84].

«Взбаламученное море» задумывался как «*большой роман*», который «*захватит*» «*всю почти нашу матушку-Русь*» [Писемский, 1936, с. 151]¹. Эпопейное задание (ментальный мир романа – «*вся Русь*» в период 1843 – 1863 гг.) корректируется фокализацией авторского видения на «отрицательной» этике: в книге запечатлена «верная, хотя и не полная картина нравов нашего времени <...> и если в ней не отразилась вся Россия, то зато тщательно собрана вся ее ложь» [Писемский, 1895, с. 288]. Эпопейный образ мира у Писемского релевантен гоголевскому определению «меньшего рода эпопеи»: человек и нравственное содержание («уроки») эпохи. У Писемского актуализируется компонент исторического момента, и его формула эпопеи может быть определена как «человек и эпоха». Это, естественно, ограничивает художественную реальность эпопеи Писемского по сравнению с поистине вселенским охватом «человека – мира» в художественной концепции Гоголя. Автор «Мертвых душ» инкорпорирует дух человека в духовное пространство мироздания, в перспективе предполагая гармонический симбиоз; автор «Взбаламученного моря» хаотизирует душевно-телесную субстанцию человека в соответствии с хаосом эпохи – человек в эпопею Писемского «летит» в историческую бездну, а вместо «*желания быть лучшим*» испытывает желание самоистребления (Софи Ленева, Валериан Сабакеев), тотального разрушения («нигилисты» Галкины и Виктор Басардин), тревожного уединения (Евпраксия Сабакеева-Бакланова) или беспокойной деятельности (Варегин), наконец, эгоистического самосохранения (Бакланов).

Главный герой романа, Бакланов, на протяжении романного времени деградирует от «*поэзии*» к «пошлости», что, впрочем, расценивается автором в качестве практически не знающей исключений психологической закономерности: «...герой мой ... не герой, а обыкновенный смертный из нашей так называемой образованной среды... <...> Внутри, в душе, у этих господ нет ... никакого самоделания; но зато натираться чем вам угодно снаружи – величайшая способность!» [Писемский, 1895, с. 93]. Бакланов – человек с фрагментарной картиной мира и, соответственно, с дискретным социальным мироощущением – барин-нигилист (культурное пространство между «барством» и «нигилизмом» в биографии Бакланова наполнено несколькими промежуточными социальными ролями). Он бесконечно подстраивается под обстоятельства, его перемещения по жизненной траектории хаотичны и импульсивны и, по сути, дублируют основной эпический

---

¹ Сравним с намерением Гоголя «в этом романе («Мертвые души». – Л.С.) показать хотя с одного боку всю Русь» [Гоголь, 1994, т. 9, с. 76].

сюжет – стихию русской исторической жизни конца 1850 – начала 1860-х гг. Так же неупорядочен внутренний мир и биографический текст большинства персонажей эпопеи.

Персонажи «Взбаламученного моря» меняются к худшему, потому что это запрограммировано в их душевной конституции (слабости, недостатки, пороки присущи человеку) и катализируется исторической эпохой. Человек и эпоха взаимно резонансны. «Взбаламученное море» – первый роман Писемского, в котором детерминанта исторического времени становится антропологически значимой, и в дальнейших романах писателя она будет в немалой степени определять персональную судьбу героев.

Исходный человеческий материал в эпопейных романах Гоголя и Писемского – «пошлый человек» и его манифестация в обыденном и неподавленном контексте – морфологически идентичен. Однако ориентация Гоголя на «идеального» человека, а Писемского – на человека «реального», несоизмеримость художественных дарований писателей – приводят первого к созданию генерализирующих смыслов онтологической антропологии («человека вообще»), а второго – к созданию «отрицательной» антропологии человека эпохи 1860-х годов («человека обыкновенного»). Автор «Взбаламученного моря» остался, условно говоря, в антропологическом пространстве первого тома «Мертвых душ», наполненном пошлостью – «трагическим знаком опустошения человеческих душ» [Зеньковский, 1997, с. 167]. Попытки Писемского воссоздать этически безупречного человека (Евпраксия Сабакеева, Валериан Сабакеев, Варегин) могут быть объяснены интроекцией идеальных персонажей второго тома «Мертвых душ» в его творческое сознание. Писемский «спорил» с утопической антропологией Гоголя, но этот спор был вызван, скорее, страхом обманутых ожиданий: «реалист» Писемский сомневался, что человек способен к трансцендентным метаморфозам «внутреннего строения».

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
Венгеров С.А. Алексей Феофилактович Писемский. М.; СПб., 1884.
Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: христианские основы мирозерцания. М., 2000.
Воропаев В.А. Николай Гоголь. Опыт духовной биографии. М., 2008.
Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. М., 1994.
Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997.
Григорьев А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 2.
Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М., 1997.
Иванов И.И. Писемский. СПб., 1998.
Карасев Л.В. Вещество литературы. М., 2001.
Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 24 т. СПб.; М., 1895. Т. 10.
Писемский А.Ф. Собр. соч.: В 9 т. М., 1959. Т. 9.
Писемский А.Ф. Письма. М.; Л., 1936.
Рикер П. История и истина. СПб., 2002.